

Mykhailo Boichenko

Katedra Filozofii Teoretycznej i Praktycznej
Kijowski Uniwersytet Narodowy im. Tarasa Szewczenki

Olexander Polishchuk

Wydział Sztuki
Akademia Humanistyczno-Pedagogiczna w Chmielnickim

Iryna Horokhova

Katedra Filologii Angielskiej
Narodowy Uniwersytet Pedagogiczny im. M. Dragomanowa

Социальная критика как фактор коллективного действия (социально-философский подход)

Słowa kluczowe: krytyka społeczna, zbiorowe działania, społeczno-filozoficzna perspektywa badań, przestrzeń symboliczna, *Realpolitik*, język, komunikacja.

Keywords: social criticism, collective action, socio-philosophical approach, symbolic space, *Realpolitik*, language, communication.

Введение

Социальная критика все в большей степени воспринимается как эстетическая позиция, а не программа политических или экономических преобразований. Революция молодежи 1968 года четко обозначила водораздел между доминированием насильственных политических революций эпохи модерна и преобладанием символических революций постиндустриального общества. В то же время, представление о «бархатном» характере символических революций является следствием недооценки социально-функционального значения ненасильственных революций. Если в социальной теории, начиная

Adres/Adresse: Mykhailo Boichenko, PhD in Philosophy, Prof., Department of Theoretical and Practical Philosophy at Taras Shevchenko National University of Kyiv, 64/13, Volodymyrska Street, City of Kyiv, Ukraine, 01601, boychenkomy@gmail.com, ORCID ID: 0000-0003-1404-180X; Olexander Polishchuk, PhD in Philosophy, Doz., Faculty of Arts at Khmelnytsky Humanities and Pedagogical Academy, 139, Proskurivsky underground street, Khmelnytsky city, Ukraine, 29013, prokurator2007@ukr.net, ORCID ID: 0000-0002-9838-7105; Iryna Horokhova, PhD in Philosophy, Department of English philology at National pedagogical Dragomanov university, 9, Pyrogo-va st., City of Kyiv, Ukraine, 01601, i.v.horokhova@npu.edu.ua, ORCID ID: 0000-0002-8652-4838.

от Пьера Бурдьё (Бурдьё П., 2007) и заканчивая Шанталь Муфф (Муфф Ш., 2004), неуклонно крепло и ширилось понимание решающего значения изменений символического пространства для социальных изменений, то в политической теории и практике коллективного действия по-прежнему преобладает склонность обманчиво простым и быстрым решениям кризисных ситуаций в режиме осуществления Realpolitik.

Ложное убеждение в превосходстве грубой силы над силой права, а функционального цинизма над ценностно обоснованной социальной функциональностью по-прежнему приводит к власти во многих странах те политические силы, которые под лозунгами защиты социальных интересов (личности, наций, корпораций, человечества) открыто и масштабно попирают социальные ценности (традиционные, нетрадиционные, личностные, национальные, общечеловеческие). Причиной этого не является недостаток или незавершенность миссии Просвещения – наоборот, чем более разумными становятся инициаторы агрессии, тем радикальнее и масштабнее негативные последствия их политики. Скорее следует обратить внимание на слабую организованность коллективного действия общественности, которое способно системно противостоять попыткам использовать вертикаль власти (государственной, корпоративной или какой-либо иной) для подавления воли к самозащите тех ценностей, которые характерны для различных социальных сообществ.

В философской традиции критическое мышление является атрибутом личности, ставшей на путь собственного Просвещения. Классическими являются слова Иммануила Канта о Просвещении как совершеннолетия разума – а именно как мужестве личности пользоваться собственным разумом (Кант И., 1966). Однако, роль социальной критики как раз и состоит в том, как координировать и по возможности объединять усилия тех личностей, которые уже совершили прорыв в личную модернизацию. Результатом таких усилий как раз и являются модернизационные изменения отдельных сообществ и целых государств. Целью этой статьи как раз и будет – прояснить философские основания возможности социальной критики как коллективного действия, которое выводит критические интенции на новый, организационный уровень достижения результата в приложении усилий по социальным изменениям.

Методологию этого исследования определяет попытка дополнить теорию коммуникативного действий Юргена Хабермаса подходом Никласа Лумана к социальной реальности как коммуникации (Бойченко М., 2011). Оба подхода объединяет внимание к проблеме функ-

ционирования социальных систем в их определяющей взаимосвязи с процессами коммуникации. Влияние философии Хабермаса на наше исследование очевидно уже из постановки проблемы – противопоставление социальных интересов социальным ценностям воспроизводит его логику противопоставления социальных систем жизненному миру (Хабермас, 2010). В то же время более корректной является попытка преодолеть это противостояние не путем редуцирования интересов к ценностям, а благодаря поиску организационного решения проблемы сохранения влияния ценностей в функционировании социальных систем: последнее ближе к той теоретической позиции, которую Хабермас занимал в совместной работе с Никласом Луманом (Habermas, 1971), а также в его анализе коллективных действий при осуществлении проекта реконструкции исторического материализма (Хабермас, 2014). Коммуникативная парадигма социально-философского похода к исследованию коллективного действия – такова методологическая основа нашего исследования.

1. Символическая революция как критика *Realpolitik*

Одно из первых определений понятию «реальная политика» дал Людвиг Август фон Роше: «Политический организм человеческого сообщества, государство, возникает и существует по законам природы, которым подчиняется, сознательно или бессознательно, добровольно или нет, человек. [...] Первый шаг к пониманию ведет к выводу, что закон выживания сильного в жизни государств играет такую же роль, как и закон притяжения в материальном мире» (Rochau L.A., 1853, S.1). Однако, этот реализм является сродни физикализму, или «социальной физике» Огюста Конта (Конт, 2003). Подобные попытки измерить ценности социальной жизни естественнонаучным «аршином» убедительно анатомировал и развенчал Генрих Риккерт в своей работе «Философия жизни», а именно в ее разделе «Критика биологического принципа ценности» (Риккерт, 1998, С. 376–397). Риккерт весьма красноречиво, в духе Фридриха Ницше, излагает свое резюме этой критики: «Биологист стоит перед неутешительной альтернативой: бог или червь. Но мы не боги. Но мы и не черви; в такой же мере не черви, в какой мы в состоянии познать, что многое в нас еще червь. Ни один червь не сознает себя червем. Познать в себе червя значит быть больше, чем червь, и потому осуждена всякая философия, которая не в состоянии понять того, в чем мы не черви» (Риккерт, 1998, С. 396).

Вся политика реализма, апеллирующая к материальным интересам, развивается в полемике с политикой, апеллирующей к духовным ценностям, в частности к морали и правам человека. Джонатан Хаслам расценивает это противостояние как противостояние реализма и универсализма: вся история предстает для него как постоянная флуктуация между этими двумя полюсами, однако сам Хаслам предостерегает от «какой-либо из них когда-нибудь восторжествует» (Haslam, 2002, P. 247). При этом Хаслам четко определяет позицию реалиста как человека, для которого «правила предосторожности всегда имеют преимущество перед правилами морали» (Haslam J., 2002, P. 250). Однако, ситуация все же несколько драматичнее, чем ее видит Хаслам: например, Карл Шмитт отказывает ценностям *in toto* в их релевантности проблемам права (Schmitt C.2011), что усиливает его крайне антигуманистическую позицию в политической теории и практике, когда он рассматривает установку на врага как обязательное условие, конституирующее сферу политического (Шмитт К., 2016). У Шмита речь идет скорее об исключении, элиминации ценностей из практической сферы и вытеснении их в сферу незаинтересованного творчества, по образцу искусства ради искусства. Шмитт не признает универсализма в политике в принципе – у него в основании политических и правовых норм всегда оказывается весьма конкретная, личностная воля. Реализм по Шмитту исключает универсализм.

Значит ли это, что реализм действительно требует очищения от ценностей? Мы склонны скорее, с точностью до наоборот, утверждать, что реализм как раз и состоит в выявлении значимых ценностей и в ценностном обосновании позиции – политической в частности и общественной в целом. С нашей точки зрения, кое в чем поэтому Шмитт действительно прав: в объяснении социальных явлений нужно уходить от абстрактных схем и возвращаться к практике жизни. Однако это не практика утверждения частной воли или подчинения некой доминирующей воле поведения остальных членов сообщества, как, кажется, это видит Шмитт. Это вообще не практика интересов как воплощений воли. В этой практике мы не встретим в чистом виде никаких интересов – нет интересов, которые не базировались бы на ценностях представителей конкретных коммуникативных сообществ, не легитимировались бы этими ценностями. Так, как общество как коммуникация конструируется из совокупности, взаимного переплетения коммуникативных сообществ, так, как сами эти сообщества возникают из согласия конкретных людей, которые создают и воссоздают эти сообщества, так и интересы являются лишь следствием генерализации, функционального обобщения этих ценностей

в коммуникации (Бойченко М., 2014). И воля тут выполняет скорее одну из подчиненных ролей, а не является конституирующим фактором. Подлинный реализм, таким образом, заключается в том, чтобы отказаться от метанарративов «реализма» и «универсализма» как стратегий подчинения политики неким тотальностям в пользу анализа конкретики коммуникации.

Таким образом, противопоставление Realpolitik эстетике символической революции – скорее удобное различие для истории, но не для практики социальных изменений. Подлинное наследие революции 1968 года – в том, чтобы осознать, что изменения в символическом пространстве гораздо более радикальны и более необратимы, а в этом смысле и более реальны, чем результаты применения грубой силы. Грубая сила редко может изменить убеждения – она скорее выступает как вызов и испытание для убеждений, как их проверка на прочность. Грубая сила не может изменить даже убеждения тех, к кому ее применяют, тем более она не может изменить убеждений тех, кто ее применяет. Тогда как изменения в символическом пространстве касаются всех – и в первую очередь тех, кто эти изменения осуществляет. Символические революции рождают смыслы, образы и символы, которые могут не всем нравиться, однако никто не может не замечать их, более того – даже борьба с этими новыми символами, смыслами и образами использует их и тем самым придает им новую интерпретацию, то есть еще более укрепляет их реальность, придает ей новое измерение.

2. Формирование нелинейного коллективного действия как предпосылка и следствие социальной критики в переходном обществе

Совершенно по-разному социальная критика обеспечена в разных обществах институционально – причем по признаку социальной критики, направленной на власть, можно классифицировать общества как тоталитарные, переходные и демократические. Для любого общества характерно стремление социальной группы, состоящей из профессиональных политиков стремиться к достижению монополии на власть, благодаря чему они внедряют в политику свои правила игры, которые являются общеобязательными для всех (Поліщук О.С., 2015). Однако, установление этих правил игры в разной степени опирается на социальную критику действий самой власти: в тоталитарных обществах социальная критика практически отсутствует, в переходных обществах она имеет ограниченный характер, а в демократических обществах она является основным механизмом сдерживания власти.

литарных обществах такая критика почти отсутствует (за исключением деятельности диссидентов, которые подвергаются постоянным репрессиям), в обществах переходного типа такая критика довольно распространена, и весьма разнообразна, но слабо институализирована, в демократических обществах социальная критика действий власти довольно строго институализирована, что иногда даже ограничивает ее разнообразие.

В тоталитарных государствах монополию на власть имеют представители одной политической силы. Другие представительства являются недопустимыми, но даже если они появляются – всё равно поддерживают одну идеологию, и в своей деятельности ограничены рамками единых базовых ценностей. Так, например, в современной России политические дискуссии между различными политическими партиями заканчиваются и наступает тотальное единство при вопросе о (не)возможности возвращения Крыма в состав Украины. То есть речь идет о том, что коллективное действие в тоталитарных государствах в своих ценностных основаниях является четко спланированным и развивается в большинстве случаев по линейному принципу.

Для обществ переходного типа характерно постоянное изменение ценностных ориентиров субъектов политической деятельности. Попытки пользоваться старыми принципами монополизации неизбежно приводят к потере власти, граждане уже не только не хотят, но и в силу осознанного принципиального разнообразия ценностей гражданского общества не могут быть политическим ресурсом одной политической силы. Попытки унификации этих ценностей лишь разрушают ценностные основания политической мотивации и порождают ситуацию аномии, угрозу социального хаоса. Таким образом, попытки реставрации монополии власти оказываются дисфункциональными.

Проблема управления нелинейным многообразием политических ценностей, однако, разрешается не путем отказа от политической конкуренции, а благодаря установлению общепризнанных правил ее осуществления. Тогда монополия на власть утратит свою абсолютность как во временном, так и в функциональном и исполнительном измерении – учитывая возможные функционально эквивалентные замены по Никласу Луману (Луман Н., 2011, с. 193–210). При наличии согласованных правил осуществления монопольной власти, как это показывает еще история Римской республики, она не является угрозой для демократии – напротив, укрепляет ее возможности мобилизовать ресурсы в кризисные периоды и свободно подбирать адекватные функционально и личностно средства для решения ситу-

ативных кризисов. Монополия может быть модусом демократии, но никак не наоборот. Поиск таких правил конкуренции характерен для современной политической системы Украины.

Другая ситуация – демократические государства. В них политика выглядит как разновидность рынка, в котором политические партии, движения предлагают свою продукцию и блага в виде лоббирования, принятия тех или других норм, которые вступают в законную силу и являются общеобязательными для всех. Украинский исследователь Ю. Шведа определяет политический рынок как среду, в пределах которой участники политических соревнований в процессе овладения и влияния на власть пытаются «продать» свои политические программы и разные политические предложения. При этом в качестве основных участников соревнований Ю. Шведа выделяет политические институты, представленные системой органов всех трёх ветвей власти (законодательной, исполнительной, судебной), политическими партиями и общественными организациями (Шведа Ю., 2004, С. 356). Однако, такой подход страдает избыточным рационализмом и требует переосмысления с учетом критики делиберативной демократии Шанталь Муф, которая подчеркивает аффективные, а не рациональные основания политического действия – и прежде всего как действия коллективного (Муфф Ш., 2004). Таким образом, понимание политики как рынка является поверхностным – оно фиксирует следствия, а не причины политических процессов, в основе которых лежит не стремление к выгоде, а совместная защита собственного достоинства как символа единства ценностей коммуникативных сообществ, составляющих данное общество.

Нелинейный характер согласования различных ценностных позиций требует новой методологии исследования и выстраивания стратегий как самих коллективных действий (как нелинейных), так и их нелинейного взаимодействия на уровне общества в целом. Определяющее социально-функциональное значение ценностей в обществе в целом, и в частности – в его экономической и политической жизни, разрабатывается в рамках неинституционализма, например в концепциях Гуннара Мюрдала, Дугласа Норта, Менкура Олсона, Елинора Остром. Предметом их исследования стал критический анализ коллективного действия при анализе функционирования основных социальных, политических, правовых, экономических и культурных институтов. Более того, в последних работах Норта (Норт Д., 2017) и Остром (Остром Е., 2012) сама социальная критика становится институциональной силой, которая обеспечивает адресность и четкость направления усилий коллективного действия.

3. Языковое пространство как медиум социальной критики

Необратимость отдельных институциональных изменений достигается с помощью изменений символического пространства. Это именно то связующее звено, которое определяет значимость отдельных коллективных действий для общества в целом. Именно это звено недоступно для экономического или политического анализа – точно так же как для политической философии идеологов символических революций недоставало рационализма и конкретики этого анализа. Только сейчас философы приближаются к выполнению этой задачи, но все же отгалкиваются от системы знаний: «Системы знаний как структурированная и организованная система знаков и опознавательных знаков создают другую (искусственную, художественную) реальность – социальную реальность: лингвистическую, символическую, политическую и т.д.» (Kovchak V., 2018, p. 81). Той областью, в которой можно не только отследить взаимные влияния отдельных функциональных социальных систем и целостного символического пространства общества, является язык. В языке закрепляются и получают шанс приобрести универсальность употребления те ценности, которые нарабатываются в конкретике коммуникации различных локальных коммуникативных сообществ – в том числе и экономических, политических и других организаций. Через язык коллективное действие получает самый широкий доступ и наибольшие шансы к изменению символического пространства всего общества.

Примером могут служить довольно масштабные изменения в языке, происшедшие в результате Революции Достоинства в Украине в 2013–2014 годах. Прежде всего, это активное возрастание роли украинского языка в жизни украинского общества. Именно широкое общественное принятие украинского языка, а не какие-то политические акции, стало наибольшим результатом влияния политических партий правого крыла на украинское общество, в котором со времен Советского Союза длительное время, в том числе и в годы новообретенной независимости продолжались процессы незаметной русификации. Сами же эти партии даже не прошли в состав украинского парламента в 2014 году. Таким образом, благодаря символическому пространству влияние их коллективного действия оказалось гораздо шире их утилитарных интересов. Также необходимо отметить множественные изменения и нововведения в общественно-политической лексике, произошедшие под влиянием Революции достоинства, которые дали достаточные основания для формирования самодостаточного

дискурса Революции Достоинства (Бекешкина I., 2016). Третьим направлением изменений языковой составляющей символического пространства Украины стало внедрение значительного количества англоязычных слов в повседневное общение. Конечно, речь не идет о вытеснении русского языка английским – во всяком случае, пока. Однако, в украинском языковом пространстве английский язык однозначно вытесняет русский в роли суперстрата (Кочерган М. П., 2000, С. 49), то есть языка нового населения или во всяком случае языка носителей той культуры, которая служит образцом для подражания для представителей традиционного населения Украины – кстати, как для украиноязычных, так и для русоязычных. Причем второе и третье упомянутые языковые явления имеют все шансы на распространение по всей территории так называемого «русского мира», то есть мира русского языка и культуры – хотя, безусловно для их полноценного развертывания нужно уже не внешнее украинское влияние, а внутренние процессы собственной символической революции.

Таким образом, язык демонстрирует символический характер ценностей: нет никакой разницы, как субъективно воспринимается вне их субъектного подчинения – потенциал для изменения символического пространства общества. ценность (как положительная или отрицательная), в любом случае она прочно входит как составляющий и системообразующий элемент новой языковой реальности, а значит и символической реальности в целом. Социальная критика поэтому тоже оказывается ценностно нейтральной с точки зрения формирования символического пространства: не столь важно, осуществляется ли критика с позиций определенных ценностей или же сами эти ценности оказываются объектом критики – важна сама интенсивность обращения к этим ценностям в процессе коммуникации.

При этом речь идет не только о словаре как выразителе тех или иных ценностей, но и структурах языка и речевых практиках, которые могут заимствоваться из одного языка в другие. Примером такой практики, на наш взгляд, может быть использование условного модуса при оценке тех или иных событий. Широкое использование Plusquamperfect (то есть Future in the Past, «будущего в прошлом» или же нереального времени – «что было бы, если бы») характерно для романо-германских языков, но в языки славянские, такие как украинский и русский, пришло в качестве широко употребляемого относительно недавно, вместе с перенимаемой культурой широкого использования модальностей непрямой речи и других проявлений условного (сослагательного) наклонения глагола.

Общие выводы

Обоснование функциональности коллективного действия ценностями раскрывает не менее трех важных аспектов воздействия социальной критики как фактора коллективного действия. Во-первых, социальная критика готовит почву для радикальных изменений в политике, а именно отказа от политики применения насилия (*Realpolitik*) и переходу к политике сознательного конструирования символической системы общества. Во-вторых, социальная критика способствует обоснованию ценностной позиции и самоидентификации различных социальных общностей как относительно самодостаточных участников гражданского общества, что определяет закономерное развитие всего общества от линейности к нелинейности в социальной организации и от тоталитаризма к демократии. В-третьих, социальная критика критически зависит от развития языка как носителя ценностей, но именно благодаря развитию языка через социальную критику происходят необратимые изменения в символическом пространстве общества.

KRYTYKA SPOŁECZNA JAKO ASUMPT DO ZBIOROWEGO DZIAŁANIA (PERSPEKTYWA SPOŁECZNO-FILOZOFICZNA)

(STRESZCZENIE)

Artykuł jest poświęcony zjawisku krytyki społecznej (teoretyczne poszukiwania możliwego do osiągnięcia porządku społecznego) jako potencjału do zbiorowego działania w różnych społecznych kontekstach. Autorzy analizują wpływ krytyki społecznej na zmianę używanego języka i zachowań członków społeczeństwa obywatelskiego. Podkreślają, że *Realpolitik* (czyli polityka oparta na kalkulacji siły i interesów określonych podmiotów społecznych) wydaje się już nie sprawdzać, jeśli chodzi o zapewnienie dalszego trwałego i pokojowego rozwoju ludzkości. Zauważają ponadto, że interesującą alternatywą dla *Realpolitik* jest krytyka społeczna, gdyż wskazuje ona kierunki i odsłania możliwości urzeczywistnienia w ramach porządku społecznego określonych wartości. Zaprezentowane w artykule procesy społeczne są analizowane w kontekście ukraińskiej tzw. rewolucji godności. Autorzy zwracają uwagę, że wydarzenia, jakie dokonały się na Ukrainie na przełomie 2013 i 2014 r. były zbiorową manifestacją w nadziei na nowy, zmieniony porządek społeczny w kraju. Rewolucja godności przyczyniła się do zmiany używanego języka, symboliki państwowości oraz zachowań społeczeństwa ukraińskiego.

SOCIAL CRITICISM AS A FACTOR OF COLLECTIVE ACTION
(SOCIAL AND PHILOSOPHICAL APPROACH)

(SUMMARY)

The article is devoted to the phenomenon of social criticism (theoretical search for a possible social order) as a potential for collective action in various social contexts. The authors analyze the impact of social criticism on the change of language used and the behavior of members of civil society. They emphasize that Realpolitik (or a policy based on the calculation of strength and interests of specific social entities) does not seem to be testing anymore when it comes to ensuring further sustainable and peaceful development of humanity. They also note that an interesting alternative to Realpolitik is social criticism, because it indicates directions and reveals the possibilities of realizing certain values within the social order. The social processes presented in the article are analyzed in the context of the so-called Ukrainian revolution of dignity. The authors point out that the events that took place in Ukraine at the turn of 2013 and 2014 were a collective manifestation in the hope of a new, changed social order in the country. The revolution of dignity has contributed to the change in the language used, the symbolism of statehood and the behavior of Ukrainian society.

ЛИТЕРАТУРА

- Бекешкіна Ірина, Верстюк Владислав та інші, 2016, *Дискурс Революції Гідності: зміст, структура, методологія дослідження: Круглий стіл «Філософської думки»*, У: Філософська думка, № 4, с. 6-56.
- Бойченко Михайло, 2014, *Історичне становлення інституційних засад критичного мислення: ідейний, освітній, правовий та політичний виміри*, У: Філософія освіти, № 2, с. 80-97.
- Бойченко Михайло, 2011, *Системний підхід у соціальному пізнанні: ціннісні та функціональні аспекти*, Монографія, К.: ПРОМІНЬ, 2011.
- Бурдьє Пьер, 2007, *Социальное пространство: поля и практики*, сост. и общ. пер. с фр. и послесл. Н.А. Шмако. Ч. 1, СПб.: Алетейя.
- Габермас Юрген, 2014, *До реконструкції історичного матеріалізму*, пер. з нім. В.Купціна. К.: Дух і Літера.
- Кант Іммануїл, 1966, *Ответ на вопрос: что такое Просвещение?*, пер. с нем. В: Кант И. Собр. соч. в 6-ти т.т., Т. 6. М.: Мысль, с. 25-35.
- Kovchak Volodymyr, 2017, *Embodiment of the Interpretant in a Sign: Reconsider the Concept of a Sign as a Factor of Social Construction in the Frame of Embodied and Disembodied Mind*, Studia Warmińskie, no. 54, p. 79-91.
- Конт Огюст, 2003, *Дух позитивної філософії. (Слово о положительном мышлении)*, пер. с фр. И.А. Шапиро, Ростов-на-Дону: Феникс.
- Кочерган Михайло Петрович, 2000, *Вступ до мовознавства*, К.: Видавничий центр «Академія».
- Луман Ніклас, 2011, *Поняття цілі і системна раціональність: щодо функцій цілей у соціальних системах*, пер. з нім. М. Бойченка та В. Кебуладзе, К.: Дух і Літера.
- Муфф Шанталь, 2004, *К агонистической модели демократии*, пер. с англ. А.Смирнова, В: Логос, № 2, с. 180-197.
- Норт Дуглас, Джон Волліс і Баррі Вайнгест, 2017, *Насильство та суспільні порядки. Основні чинники, які вплинули на хід історії*, пер. з англ. Т. Цимбала, К.: Наш формат.

- Остром Елінор*, 2012, *Керування спільним. Еволюція інституцій колективної дії*, пер. з англ. Т. Монтян, К.: Наш час.
- Поліщук Олександр Сергійович, 2015, *Колективна дія: соціальне пізнання і практика (досвід філософської концептуалізації)*, Тернопіль: ТОВ «Тернограф».
- Риккерт Генрих, 1998, *Філософія життя*, пер. с нем. Е. С. Берловича и И. Я. Колубовского, В: Риккерт Г. *Філософія життя*, К.: Ника-Центр, с. 269-447.
- Хабермас Юрген, 2010, *Проблема легітимації пізнього капіталізму*, пер. с нем. Л. Воропай, М.: Праксис, 264с.
- Шведа Юрій Романович, 2004, *Політичні партії: енциклопедичний словник*, Львів: Астролябія.
- Шмитт Карл, 2016, *Понятіе політичного: збірник*, пер. с нем. Ю. Ю. Коринца, А. Ф. Филиппова, А. П. Шурбелева, СПб.: Наука.
- Habermas Jurgen, Luhmann Niklas, 1971, *Theorie der Gesellschaft oder Sozialtechnologie. Was leistet die Systemforschung?*, Frankfurt am Main: Suhrkamp.
- Haslam Jonathan, 2002, *No Virtue Like Necessity: Realist Thought in International Relations since Machiavelli*, London: Yale University Press.
- Rochau Ludwig August von, 1853, *Das dynamische Grundgesetz des Staatswesens*, Stuttgart: Verlag von Karl Göpel.
- Schmitt Carl, 2011, *Die Tyrannei der Werte*, Berlin: Duncker und Humblot, Dritte, korrigierte Auflage.
- Terepiszczu Sergiusz, 2015, *Futurology as a subject of social philosophy*, Studia Warminskie, No. 52, p. 63-74.